

© 2005 г.

В.Х. БЕЛЕНЬКИЙ

КЛАСС НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ ИЛИ РАБОЧИЙ КЛАСС?

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор Красноярского государственного университета цветных металлов и золота (г. Красноярск),

Прежде всего, наметчу свои позиции. В 2000 г. мной были позиционированы в качестве альтернативных два основных подхода к социальной структуре российского общества - рецепционный и исторический¹. Я писал: "Суть рецепционных концепций состоит в том, что российское общество наделяется социальной структурой западных стран". И далее: "Исторический подход к социальной структуре постсоветской России исходит из того, что в переходный период социальная структура советского может исчезнуть в одночасье... Стало быть, в современной России постепенно преобразуется социальная структура советского типа... Происходит сложный процесс формирования новых, изменения старых классов и социальных слоев и преобразования всей системы социальных отношений...". Единственное добавление к этим положениям, которое необходимо сделать, состоит в том, что кроме основных подходов появился промежуточный, который и поставлен в центр этой публикации.

Далее, на II Социологическом конгрессе озвучены две альтернативные точки зрения. Проф. З.Т. Голенкова подчеркнула: "Произошел переход от марксистской парадигмы к теориям социальной стратификации..." Напротив, проф. Ю.Б. Рандалов согласился с мнением о том, что "гносеологический (т.е. познавательно-исследовательский) потенциал работ Маркса не только не устарел, но, напротив, остается важным источником развития общесоциологической теории"². Я целиком присоединяюсь ко второй точке зрения.

Переходное общество,двигающееся от сравнительно консолидированной системы общественных отношений к системе, пронизанной усиливающимися антагонизмами, не может не быть в высокой степени маргинализированным. Это отмечается многими социологами и находит свое теоретическое выражение в идее базового слоя.

В 2001 г. я писал: "Что собой представляет большинство населения России? На этот вопрос отвечают академик Т.И. Заславская (базовый слой, 60% россиян), профессор З.Т. Голенкова (слой малообеспеченных, 57%), профессор Л.А.Гордон (промежуточная группа, 50-55%)". К ним можно добавить "промежуточных россиян" (70%) к.э.н. Т. Малевой³. Видимо, наиболее емким среди этих терминов является *базовый слой* - "термин, который можно истолковать двояко: как слой, создающий основные общественные блага, и как естественный социальный резервуар для образования или пополнения других, главным образом новых элементов социальной структуры общества"⁴. Под новыми элементами разумеется прежде всего пресловутый средний класс, который так желаем, но которого в России нет как нет. Это одно обстоятельство. Не менее важно и то, что высшему классу необходимы огромные

сверхприбыли: аппетит приходит во время еды. Лишь немногие теоретики, говоря о капитализме, могут отвлечься от "мелочи" - от масс, которые создают богатства буржуазии и ее присных. Очевидно, эти соображения и побудили ряд социологов обратиться к проблеме *класса наемных работников*. Но ставится она исследователями по-разному. Чтобы показать это, обратимся к двум упомянутым соседствующим статьям, опубликованным в журнале "Социологические исследования" в 2002 г.

Первая из них принадлежит члену-корреспонденту РАН Ю.В. Арутюняну. "Завязка" статьи интригует. Автор отчасти прав, когда пишет, что политическая "сущность" структуры общества в прошлом была главным предметом социальной фальсификации в интересах власти. Партийно-государственные идеологи длительное время небезуспешно маскировали действительное положение рабочего класса мифами о его руководящей роли. В постперестроечное время структура (скорее неосознанной) политизируется культом "среднего класса", что мешает осознанию реальной классовой поляризации нашего общества, скрывает обострение противоречий между трудом и капиталом. Теперь, когда классы в реальном смысле действительно появились, - они практически изымаются из отечественной социологии. В прошлом действовал диктат, сначала реального, потом пережиточного восточного сталинского патриархата, а *сейчас моден культ "западного" - автоматический перенос принятых за рубежом социальных мерок в нашу действительность* (курсив мой - В.Б.)... Ю.В. Арутюнян фактически критикует рецепционный подход. В то же время его утверждение о том, что в СССР классов в научном представлении этого понятия не было, ставит взгляды автора на грань рецепционного подхода. (Что такое научное представление о классах, не поясняется. Однако из контекста видно, что классами полагаются лишь такие группы людей, между которыми непременно существует антагонизм. Но из данного Лениным добавления к четырем признакам класса это не следует⁶).

Ю.В. Арутюнян описывает происшедшие в новых условиях изменения былого статуса социальных групп. В верхние элитные и субэлитные слои, помимо традиционных управленческих групп, включаются крупные собственники - новые капиталисты. Появляется средний слой - относительно материально обеспеченные и "устроенные" представители разных социально-профессиональных групп преимущественно из предпринимателей, менеджеров и части специалистов. Самый массовый в России - базовый социальный слой (60-65%), охватывающий все социально-профессиональные группы населения с ограниченным имущественным достатком и социально-политическим влиянием - от массовой интеллигенции (учителя, медработники, техники, инженеры и т.п.) до многочисленных категорий людей физического труда. Ниже базового слоя - представители неквалифицированного труда с самыми низкими доходами (-12,5%) и люмпенизированные десоциальные группы (7-9%).

Автор пишет, что "слоевой срез" не исключает принятых классических систем общественных группировок - классовой, социально-профессиональной и социально-функциональной. "Слои" же говорят о возможности известного размывания традиционных социальных границ, но не "отменяют" их. К примеру, рабочие остаются рабочими. В массе своей они представлены в "базовом" слое. Иначе говоря, признание "слоев" не нарушает, а лишь дополняет принятое понимание традиционной структуры общества, подчеркивая известную диффузию его границ, как классовых и социально-профессиональных, так и социально-функциональных, связанных с распределением власти. Но понятие "слой" употребляется и в традиционном смысле, так что социология рискует получить еще одну терминологическую неразбериху, коих у нее и так достаточно. А главное, это Ю.В. Арутюнян *так* воспринимает идею Т.И. Заславской, многие же другие трактуют ее совершенно иначе. (Кстати, автор полагает, что классов в СССР не было, но считает возможным писать применительно к советскому периоду "действительное положение рабочего класса" и отмечать, что в базовом слое имеются классовые границы, подвергающиеся ныне диффузии.)

Он напоминает, что классовая структура основана на дифференциации отношений собственности, отделении ее владельцев, распорядителей, нанимателей (прямых

или косвенных) от нанимаемой рабочей силы - физической или умственной, квалифицированной или неквалифицированной. Стало быть, получается, что основной "социораздел" в обществе проходит между собственниками, нанимателями - и нанимаемыми; последние, конечно, дифференцированы, но этому обстоятельству внимания почти не уделяется. "Социально-функциональная структура, в отличие от классовой, выделяет группы не по социально-экономическому положению, а по управленческому статусу - власти-распоряжению или подчинению-исполнению. Чаще всего, у класса капиталистов владение сочетается с функциями власти-распоряжения... Распорядительные функции менеджеров могут и не сочетаться с функциями "владения", а лишь исполняться в интересах властвующих элитарных групп подлинных собственников". Заключительная фраза кардинально отличает автора от многих отечественных специалистов по социальной структуре общества. Однако надо ли разрывать отношения собственности, с одной стороны, и отношения власти и управления - с другой, чтобы тут же снова их воссоединить?

Далее Ю.В. Арутюнян показывает, как изменилась "природа труда и капитала" в постиндустриальных странах. "Наряду с сохраняющимся традиционным трудом рабочего, расширяется сложный комплексный высококвалифицированный, во многом творческий труд требующий знаний, инициативы и интеллекта, что влияет на социальную природу наемного труда. Капитал, находясь в мировой конкуренции, должен с этим считаться и делиться прибавочным продуктом (прибавочной стоимостью), создаваемым таким трудом, с теми, кто им овладел. Чем созидательнее и масштабнее такой по существу интеллигентский труд, тем сильнее позиции его обладателей в рыночных отношениях и соответственно ограниченнее возможности бесконтрольного самоуправления капитала. Частная собственность на средства производства в современном обществе реально может перестать быть безусловно частной, оказываясь под контролем соучастников в ее использовании.

Ограниченная, а по существу разделяемая, такая собственность может явиться основанием так называемого среднего класса, совмещающая функции рационального сочетания труда и капитала. Для России и стран ближнего зарубежья это пока приемлемо скорее лишь теоретически. Практическое сочетание труда и капитала в российской ситуации представляется пока преждевременным. Отечественные обществоведы идеализируют действительность, когда, недооценивая реальность, констатируют появление в России развитого "среднего класса".

Вряд ли можно согласиться с изложенными оценками постиндустриального общества. У автора капитализм еще не исчез, но исчезает. В действительности он изменяется, но не исчезает. Достаточно сравнить оценки Ю.В. Арутюняна с оценками английских социологов, чтобы почувствовать различие этих оценок⁷. Но для решения наших задач гораздо важнее оправданный скепсис автора по поводу среднего класса в России. Тем не менее ряд уступок "идеологической фокусировке" ведет к тому, что Ю.В. Арутюнян постепенно и сам "съезжает" в ее сторону. Провозглашается безусловное преобладание базового слоя, который далеко не однозначен, "Если в среднем слое, а тем более в высшем, представлены высококвалифицированные люди умственного труда и элитарных функций⁸, то в "базовом" (кстати, это слово то берется, то не берется в кавычки; признак того, что автор сам не верит в это понятие или относится к нему как к чему-то модному, фигуральному и т.п.? - В.Б.) - все остальные социально-профессиональные группы, включая массовую интеллигенцию и полностью людей, занятых физическим трудом..."

Изложение Ю.В. Арутюняна постепенно приобретает характер чего-то среднего между историческим и рецепционным подходами к классовой структуре общества. И чем сильнее это проявляется, тем сильнее страдает изложение, тем больше в нем непоследовательности. Это со всей очевидностью проявляется в следующих положениях:

"Права З.Т. Голенкова, которая считает, что постсоветская Россия ассоциируется с "пирамидой, где большинство населения "прижато к низу", тогда как до 5% богатых

составляют ее вершину, а среднего класса как бы и вовсе нет". Таким образом, привычная классовая структура, где представлены полярные группы нанIMATEЛЕЙ и нанIMATEМЫХ, это не социальная фантазия и не прогностическая оценка, а факт... неизбежно проявляющийся во всех постсоветских государствах. Естественно, в каждом из них есть своя специфика в отношениях между государственными и капиталистическими структурами⁹, но суть одна - функционируют новообразованные классы, правда, с зачаточным размытым классовым сознанием. По западным меркам "в России социальные классы остаются пока очень слабыми". В ущербных классовых группах сознание пока остается "в себе", а отнюдь не "для себя", хотя противоречие между трудом и капиталом "в потенции, безусловно, является антагонистическим"¹⁰.

Думаю, что когда Ю.В.Арутюнян пишет о паразитическом утверждении в России частной собственности на орудия и средства производства, способствовавшем подрыву многих отраслей экономики страны и за короткий срок разделившем народ на противоположные, действительно антагонистические классы, он вполне объективен; когда же он утверждает, что это классы "нанIMATEЛЕЙ и нанIMATEМЫХ, имущих и обездоленных", уровень объективности снижается.

Далее следует весьма подробный анализ социальной дифференциации населения в Москве, Саратове, Саратовской обл. Сопоставляются данные опросов 1992 и 2000 гг., положение различных социальных групп в государственном и частном секторе. Не имея возможности подробно остановиться на этой части статьи, хочу подчеркнуть, что она содержит много интересных наблюдений и выводов, с которыми нельзя не согласиться, Я бы сказал, что в целом конкретно-социологический материал, приводимый автором, как и следующие из него выводы, заслуживают положительной оценки. Однако им присущи и некоторые недостатки.

Например, автор слабо акцентирует то обстоятельство, что молодежь России уходит из производственной сферы в сферу обслуживания. Это может иметь трагические последствия. Молодежь в своей значительной части погружается в мир чаще всего несбыточных буржуазных иллюзий, ориентируясь на материальный успех, надеясь выиграть, разбогатеть, сделать отличную карьеру в области торговли, рекламы, эстрады, развлечений, полукриминала и т.п. В этом угроза не только молодежи, но и России: развивая лишь сырьевой сектор экономики и сферу услуг, страна не только не догонит Португалию, но, пожалуй, отстанет от Албании.

Любопытна следующая мысль: "Возросло бесправие людей на работе. С течением времени они все больше осознают (заметнее в государственном секторе), что лишены возможности оказывать влияние на решение важных вопросов в коллективе... Исключение составляют предприниматели, которые в большинстве своем и решают дела трудовых коллективов (70-80% в Саратове и Москве)..." Трудно установить, чего здесь больше - штампа, который был в ходу в советский период, или непонимания того, что "дела трудового коллектива" никто сейчас не решает и, как правило, никого не интересуют, если не считать "нештатных" ситуаций, подобных той, которая была некогда на Выборгском ЦБК. Причем в ситуациях такого рода "дела трудового коллектива" интересовали капитал и власть лишь в том смысле, чтобы отбить у трудовых коллективов даже мысль о возможности руководствоваться собственными интересами.

Серьезные возражения вызывают рассуждения о социальной мобильности и продвижении по работе, например: "С социальной точки зрения важно отметить принципиальные различия сегодня в социальной мобильности в государственном и частном секторах народного хозяйства. Обнаружились безусловные преимущества в частном секторе, поскольку здесь делали ставку на более дееспособные молодые и активные группы. Особенно высокой мобильностью отличаются предприниматели". Ю.В. Арутюнян выпустил из вида собственные рассуждения о том, чем в основном занимается молодежь в частном секторе. Он писал выше, что частная собственность утверждалась в прибыльных потребительских отраслях за счет многих производственных отраслей. Зачем же лжепреимущества превращать в преимущества? Небезупречная

табл. 7, посвященная продвижению по работе в Москве за 5 лет. Москва - город уникальный в том смысле, что он как ни один другой город в России продвинулся по пути приобщения индустриального центра к мелкобуржуазному буму. Там возникли в невероятном множестве мелкие предприятия, возглавляемые так называемыми предпринимателями, несомненно делающими карьеру, по крайней мере статистическую. Не случайно же в России никто толком не знает, сколько в стране предприятий малого бизнеса. В Красноярске на судостроительном заводе в свое время работали свыше 3 тыс. человек. Строились морские суда. В результате великих реформ работали в 2003 г. несколько десятков человек, причем ИТР и служащих было больше, чем рабочих. Зато на теле завода появились сотни, если не тысячи всяких малых предприятий, подавляющее большинство которых не поддаются учету. Или возьмем некогда знаменитый шелковый комбинат, на котором трудились 10 тыс. человек. Сейчас в оставшихся от него двух цехах работают около 200, столько же - в дочерней компании ОАО "Шелен". Производственные площади, а это более 297 тыс. кв. м, раскуплены под склады и магазины, территория методично превращается в торговый городок. Но предпринимателей, менеджеров, приказчиков числится немало. Эта мелкобуржуазная "панاما" разумеется, предполагает новые формы мобильности, но с каким знаком? На старых госпредприятиях таких перемещений, конечно, меньше, как их меньше и в толще российского населения. В 2003 г. удельный вес занятых на малых предприятиях Красноярского края среди всех занятых составлял 8,6% .

Таким образом, статья Ю.В. Арутюняна противоречива. Объективный (подчеркну; более объективный, чем у большинства российских социологов) анализ изменений в социальной структуре нашего общества сочетается в ней с рядом идей и положений, не вполне адекватно трактующих происходящие процессы. Полагаю, что это связано прежде всего со смешением рецепционного и исторического подходов к эволюции социальной структуры, использованием идеи базового слоя и невнятным толкованием вопроса о наемных рабочих. В итоге реально существующие классы российского общества, кроме буржуазии, оказываются в тени, в полубытии.

Вторая статья принадлежит З.Т. Голенковой и Е.Д. Игитханян¹³. Отмеченные только что недостатки выражены в ней значительно рельефнее. Чтобы показать это, не повторяясь, остановлюсь главным образом на том, как соавторы анализируют статистический и социологический материал и рассматривают класс наемных работников. Но прежде всего одно замечание. И у Ю.В. Арутюняна, и у соавторов получается некое балансирование между марксистским и немарксистским пониманием проблем социальной структуры. С одной стороны, говорят о классах, причем их существование и формирование связывают с отношением к средствам производства. Но классы у соавторов какие-то странные. Класс предпринимателей - без выяснения, что такое предпринимательство и кто такие предприниматели. А почему не класс капиталистов, буржуазии? Еще показательней постановка вопроса об "одном из основных социальных классов - наемных работников". Понятие "основной класс" несет в социологии определенную нагрузку. При капитализме два основных класса - буржуазия и рабочий класс. Но вместо последнего выдвигается класс наемных работников. Велик ли он? Да уж, да уж - 92,2%¹⁴ всего занятого населения! Это базовый слой Т.И. Заславской, увеличенный в полтора раза! Недаром З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян пишут, что наемные работники как элемент макроструктуры представляют собой социально дифференцированную часть населения. Собственно, статья и посвящена уровням дифференциации наемных работников.

Выделяются три уровня этой дифференциации - мезоструктурный, микроструктурный, социально-структурный. Это не вызывает ни особых возражений, ни особого интереса. Важен вывод: "Базовым социальным процессом здесь является формирование среднего слоя¹⁵, включающего наиболее квалифицированные, образованные и высокодоходные группы наемных работников...". Соавторы несколько обновляют методы доказательства старой идеи, вызывающей у Ю.В. Арутюняна обоснованный скепсис. Рабочий класс они и не упоминают.

Статья содержит большой статистический и конкретно-социологический материал. Но используется он для подтверждения предвзятых идей, например, о том, что молодежь необыкновенно предрасположена к работе в частном секторе. Так, в Нижегородской области в частном секторе "молодежи до 35 лет (?) в 1,3 раза больше, чем в государственном секторе. Лиц старшего возраста - в 1,2 раза меньше. Наибольшую долю среди занятых как в государственном, так и в негосударственном секторах составляют работники среднего возраста - более зрелая, энергичная и активная часть работающих¹¹. Вдумавшись в эти слова, нетрудно убедиться; существенных различий в возрастной структуре двух секторов просто нет. Между тем соавторы продолжают: "Уровень образования также достаточно специфичен в зависимости от сектора занятости. В государственном секторе (по сравнению с негосударственным) значительная доля работников, имеющих профессиональное образование (среднее специальное или высшее), составляет 66% против 55,2%. В негосударственном - более представительна категория работников, имеющих различные уровни среднего общего образования (полного и неполного). То есть среди молодежи, составляющей значительную долю работников, многие еще получили и профессиональное образование". Что означает в данном случае "то есть", кроме желания ученых обречь молодежь с капитализмом?

Дальше в противовес сказанному отмечается, что среди работников государственного сектора лиц с со средним специальным и высшим образованием в 1,7 раза больше, чем в негосударственном. "В то же время в последнем почти в два раза больше работников, занятых квалифицированным физическим трудом (кто же это: охранники? продавцы? проститутки? обслуга? водители? грузчики? - В.Б.). Таким образом, негосударственный сектор, аккумулируя особенности переходного периода российской экономики, формирует и особенные черты образовательного и социально-профессионального состава занятых в них работников. Отчасти эти особенности определяются спецификой отраслевой структуры - сдвиг в сферу коммерции и обслуживания, но значительно меньшей долей по сравнению с государственным сектором наукоемких производств, образования, культуры, науки". Право, можно посочувствовать людям, которые доказывают одно, а пишут другое...

Особый интерес представляют данные проведенного соавторами опроса о материальном положении семи групп по социально-профессиональному статусу: руководители 1-го уровня (директора и заместители), руководители 2-го уровня (подразделений на предприятиях), специалисты с высшим образованием, специалисты со средним образованием, канцелярские служащие, рабочие квалифицированного труда, рабочие неквалифицированного труда (разнорабочие, МОП). З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян констатируют: "...основная масса опрошенных формирует главным образом ...бедных и среднеобеспеченных. Удельный вес бедных доминирует в общей совокупности. Варьируется он от 75,9% среди рабочих неквалифицированного труда до 37,5% среди руководителей 1 уровня". Неплохая иллюстрация к "базовому социальному процессу"?!

Обнаружив, что материальное положение руководителей 1 уровня резко отличается от положения других социально-профессиональных групп, соавторы пишут: "Объясняется это тем, что **директорский корпус, вообще управленческое звено, становится неформальным собственником и распорядителем производственных и иных ресурсов** (выделено мной - В.Б.). Налицо разительная дифференциация доходов рядовых сотрудников и администрации, руководителей, которые произвольно устанавливают себе завышенные оклады. Положение специалистов довольно жалкое. Профессионалы - основа существования и функционирования любого производства - состоят преимущественно из людей бедных (более половины) и среднеобеспеченных (менее половины). Иначе говоря, процесс обнищания одной части населения, наемных работников, сосуществует с обогащением другой части, интенсифицируя процесс социальной дифференциации российского общества".

Выводы

"Наше внимание было обращено к процессу становления класса наемных работников - основной производительной силы общества. Необходимо было показать не только существование этой общности, ее объектности (очевидно, имеется в виду *объективность* - В.Б.), качественной определенности, но и проанализировать формирующуюся систему социальных различий внутри нее между отдельными элементами. Мы показали также природу этих различий, которые зависят от включенности работника в тот или иной сектор занятости, от ее профессионального, образовательного уровня, возраста, должностного статуса. Принципиальной особенностью является то, что такой фактор, как должностной статус, формирует у своих носителей принципиально иное социальное положение практически во всех сферах жизнедеятельности".

Эти выводы и вся концепция класса наемных работников З.Т. Голенковой и Е.Д. Игитханян весьма неубедительны. Прежде всего, встает вопрос, что такое класс? Какое представление о классе положено в основу исследования?. Фактически соавторы берут два признака класса - отношение к средствам производства и размер доходов. Но не учитываются или односторонне учитываются место класса в исторически определенной системе общественного производства и его роль в общественной организации труда. Это является принципиальной ошибкой. Соавторы видят "внутриклассовые" различия в провозглашаемом ими классе. Они верно исходят из того, что нет ни одного социального класса без внутренних различий. Однако вопрос в том, каков баланс между этими различиями и тем общим, что присуще членам данного класса. Если общее доминирует над различиями, - возможно, перед нами социальный класс. Если различия доминируют над общим, никакого класса нет по определению. Хорошо класс, у членов которого формируется "принципиально иное социальное положение практически во всех сферах жизнедеятельности"!

Очевидно, что различия между руководителями 1 уровня и остальными шестью группами воспроизводят различия между собственниками и остальными шестью группами. Таких различий и противоречий нет между собственниками и руководителями 1 уровня: если они возникают, то руководителей просто выгоняют. Если же сказать, что руководители 1, да и 2 уровня не входят в класс наемных работников, то получается, что одни наемные работники входят в класс, другие не входят; стало быть, избранный критерий классовобразования некорректен. Поэтому не случайно, что в британском "Большом толковом социологическом словаре" нет ничего похожего с классом наемных работников. Там есть понятие *рабочий класс*, употребляемое в двух значениях; "1. Рабочие ручного труда, то есть те, кто использует прежде всего свои руки, а не умственные способности (рабочие неручного труда). В этом смысле в Англии доля населения, которая является рабочим классом, устойчиво снижалась в течение 20-го столетия, однако существует проблема относительно того, можно ли, хотя бы для некоторых целей, включать в нее обычных беловоротничковых рабочих (см. также *Пролетаризация*). 2. Члены *пролетариата*, то есть все те, кто являются лицами наемного труда или наемными рабочими, не обладающими, **не управляющими**¹⁶ (выделено мной - В.Б.) *средствами производства*. Во втором значении рабочий класс охватывает намного больше трудящегося населения (но см. также *Промежуточные классы; Противоречивые классовые положения*)"¹. Одним словом, британские коллеги примеривают к рабочему классу значительную часть среднего класса ("низший средний класс" по Э. Гидденсу), в то время как у нас не прочь растворить рабочий класс в любых слоях общества, кроме капиталистов.

Мне кажется, часть социологов слишком легковесно решает вопрос о судьбах рабочего класса. Доля английского рабочего класса уменьшилась с 75% в 1911 г. до 49% в 1981 г. Но разве это малая доля? В США в 1996 г. удельный вес рабочего класса составлял 35%. Во многих развивающихся странах происходит бурный рост рабочего класса.

В России, где данные статистики по вопросам занятости и, тем более, классового состава населения традиционно невняты, в 2002 г. рабочий класс составлял 41,5% занятого населения, т.е. был самой большой его частью (численность рабочих, по моим очень осторожным подсчетам, равнялась 27355 тыс. человек). Рабочий класс непрерывно уменьшается, но не вследствие технологического прогресса, а вследствие продолжающегося кризиса промышленности, за исключением немногих, главным образом, сырьевых отраслей. Россия все больше отстает от более развитых стран. Если учесть, что обновление основных фондов происходит примерно на одном предприятии из десяти, а безработица во многих регионах растет, то все это дает представление, какова действительная цена широко и шумно рекламируемых успехов социально-экономического развития российского общества. Между тем, без количественного и "качественного" (структуризация, повышение квалификации, омоложение и т.д.) рабочего класса экономические прорывы страны невозможны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Беленький В.Ж.* Альтернативные подходы к анализу социальной структуры российского общества // Социология и общество. Тезисы Первого всероссийского социологического конгресса. СПб. 2000.
- ² *Голенкова З.Т.* Социальная стратификация современного российского общества: поиски подходов к изучению // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе "Российское общество и социология в XXI веке; социальные вызовы и альтернативы", т. 3. М. 2003. С. 650; *Рандалов Ю.М.* Трансформация социальной структуры населения в национальном регионе Сибири: 2002 г., проблемы и противоречия. Там же. С. 655.
- ³ *Яковлева Е.* Перспективы скромного обаяния // Российская газета. 2003. 15 мая. Вот что говорит Т. Малева об этих 70%: "70 - "промежуточных" россиян, зависших между молотом и наковальней. Не бедные и не средние, не слишком образованные, но не безграмотные, занятые на рынке труда, но не стабильно. Жизнь в полутонах".
- ⁴ *Беленький В.Х.* Преобразования в России и народные массы. Красноярск. 2001. С. 49.
- ⁵ *Арутюнян Ю.В.* О социальной структуре общества постсоветской России // Социол. исслед. 2002. № 9.
- ⁶ "Утверждения о происшедшем разделении собственности и управления ею в современных западных обществах привели некоторых теоретиков к выводу, что эти общества лучше называть "менеджерскими" или даже "посткапиталистическими", а не капиталистическими... Для большинства, однако, существенные черты капиталистических обществ... сохраняются, несмотря на признание изменений в форме..." Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. Т. 1. М. 2001. С. 274-275.
- ⁷ Эта оценка российской элиты Ю.В. Арутюняном расходится как с оценкой других социологов (см. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социол. исслед. 1999. № 11), так и с действительностью, например, с утечкой мозгов из России.
- ⁸ Специфика действительно есть. Эти отношения можно представить как шкалу, на одном конце которой - полное господство государственной, на другом конце - полное господство частной собственности. Чем полнее господство частной собственности, тем отчетливей проявляется мысль Энгельса о том, что государственная собственность - общая собственность класса капиталистов. То есть усматривающие в сосуществовании господствующей капиталистической собственности и государственной собственности некую многоукладность допускают ошибку в одну общественно-экономическую формацию.
- ⁹ *Ю.В. Арутюнян* ссылается на М. Кивинена и М.Н. Руткевича. С позиций, изложенных в статье "Рабочий класс как объект социологического анализа" (Социол. исслед. 2003, № 1. полагаю, что все эти авторитетные социологи в данном случае демонстрируют известный дефицит историзма.
- ¹⁰ *Долгополова М.* А они по этой ниточке - ножом. История расцвета и падения "Шелена" // Известия - Красноярск, 2004. 25 марта.

- ¹¹ Вычислено мной на основе предварительных данных, содержащихся в докладе "Социально-экономическое положение Красноярского края в 2003 году**". - Красноярск: Крайкомстат. 2004. С. 6, 130.
- ¹² *Голенкова З.Т. Игитханян Е.Д.* Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социол. исслед. 2002. № 9.
- ¹³ Цифра эта а ргіоі неточна. Строго говоря, работники общественных хозяйств в деревне, немногих, но все же существующих коллективных и народных предприятий в промышленности не являются наемными. Ясно также, что понятие "негосударственный сектор" нельзя считать точным, поскольку оно смешивает частную и коллективную собственность, т.е. два неравновесные, но качественно различающиеся в условиях России уклада. С другой стороны, соотношение акционерной, частной и коллективной собственности требует специального экономического анализа в каждом конкретном случае.
- ¹⁴ Нельзя не обратить внимание на то, что Ю.В. Арутюнян различает понятия "средний слой" и "средний класс". Он считает, что средний слой в России существует, а средний класс - нет. З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян оперируют лишь понятием "средние слои", однако похоже, что при этом имеется в виду средний класс.
- ¹⁵ При некоторой нечеткости трактовки Ю.В. Арутюняном наемных работников он не включает в их состав распорядителей, нанимателей (прямых или косвенных) рабочей силы,
- ¹⁶ Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. Т. II. - М. 2001. С. 118.
- ¹⁷ *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. Пер. с англ. - М. 1999. С. 252.
- ¹⁸ *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека в XX в. // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 10.
- ¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. - М. 2003. С. 140. В это число не включены рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыбководства.
- ²⁰ Досуг русских рабочих // Независимая газета. 2004. 15 января.
- ²¹ См. Буганов А.Х. вожди, вожди... и истории // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 6. С. 240.